

ворить, тебя принесъ мнѣ мѣшать заниматься!“ — Да, мнѣ, говорю, тебя, пожалуй, и не надо, я къ твоему Оомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, до тебя мнѣ и дѣла нѣтъ. — И просидѣли мы съ нимъ послѣ такой встрѣчи до глубокой ночи, я уходить хочу, а онъ не пускаетъ“.

Весною 1860 года Шевченко и Костомаровъ по обыкновенію встрѣчались у насъ Пасху, послѣднюю въ жизни Шевченка. За чашкой кофе Тарасъ Григорьевичъ съ Костомаровымъ затѣяли одинъ изъ тѣхъ горячихъ споровъ, гдѣ высказывалась разность взглядовъ этихъ двухъ людей на нѣкоторые вопросы, но гдѣ, въ самой живости преній, въ нападеніяхъ одного, въ ласковомъ подтруниваніи другого, просвѣчивали ихъ взаимное довѣріе и дружба. Разговоръ затянулся такъ долго, что взошла заря и всѣ мы отправились смотрѣть восходъ солнца. Шевченко любилъ набережную, сфинксовъ передъ академіею и видъ, открывающійся съ площадки передъ биржей. Туда направились мы, весело болтая и не думая, что никогда уже не встрѣтимъ свѣтлаго праздника всѣ вмѣстѣ.

Одно облако было на небосклонѣ кобзаря: его тинило въ дорогу его Украину! Какъ часто говорилъ онъ мнѣ о своей милой родинѣ, говорилъ такъ много, такъ хорошо! Онъ описывалъ и степи съ ихъ одинокими курганами, и хуторки, утопающіе въ черешневыхъ садахъ, и старыя вербы, склоняющіяся надъ тихимъ Днѣпромъ, и легкія душегубки, скользящія по его поверхности, и крутые берега Кіева, съ его златоглавыми монастырями: „вотъ бы гдѣ намъ пожить съ вами, вотъ бы гдѣ умереть!“ И слушая восторженную, поэтическую рѣчь, я полюбила незнакомый мнѣ край...

Но мягкая и добрая душа Шевченка, была слишкомъ чувствительна ко всякой ласкѣ; онъ такъ согрѣлся въ дружественной и сочувственной ему обстановкѣ, что не могъ на долго предаваться меланхоліи и искренно говорилъ: „я такъ счастливъ теперь, что вполне вознагражденъ за всѣ мои страданія и всѣмъ простилъ“.

Осенью того года мы уѣхали за-границу и имѣли свѣдѣнія о Шевченкѣ черезъ Н. И. Костомарова и мою тѣтку, сестру моей матери, Ек. Ив. Иванову. Отъ нихъ узнали мы объ его несчастномъ сватовствѣ. Тетушка моя писала, что онъ послѣднее время сталъ очень раздражителенъ, упрямо шелъ противъ друзей, отклонявшихъ его отъ этой женитьбы, и, послѣ разрушенія его воображеніемъ созданнаго кумира, сталъ сильно пить.

Повторяя, что, по моему мнѣнію, даже мелочи, касающіяся людей, выходящихъ изъ ряду, могутъ быть важны, я считаю нелишнимъ замѣтить, что: во-первыхъ, нареченная невѣста Шевченка, Лукерья, никогда не жила у моей тетушки. Правда, что Тарасъ Григорьевичъ умолялъ